

Культура -

- с.3

3 июля 1997 г.

3

В ЛИЦАХ

Жизнь становится хуже, а люди — талантливее

В Манеже под патронажем ОРТ 24 июня открылась выставка произведений Сергея Соловьева и Леонида Перцева. Это первая культуртрегерская акция Общественного российского телевидения, объединившая двух деятелей кино в новом качестве — известнейшего режиссера и авторитетного в узких кругах художника-постановщика 17 картин. По признанию гендиректора телекомпании ОРТ Сергея Благоволина, выбор не был случайным. Если Сергей Александрович Соловьев не нуждается в излишнем представлении, то о живописи Леонида Леонидовича Перцева знали лишь люди близкие. Для 58-летнего художника кино, выпускника мастерской М.Шпинеля во ВГИКе, это первая персональная выставка.

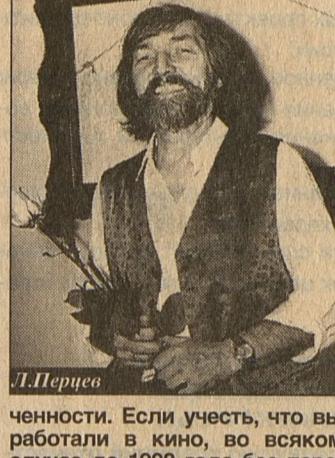
Наталья СЕЛИВАНОВА

Вернисаж собрал весь столичный бомонд — от Виталия Игнатенко до Марка Рудинштейна и Ренаты Литвиновой. Достойно, с оттенком светской холодности держались телевизионные знаменитости — Ю.Николаев, Ю.Гусман и недавно пересевший в кресло первого заместителя гендиректора телекомпании ОРТ С.Медведев. Несмотря на то, что большинство из собравшихся знакомы много лет, открывшаяся экспозиция оценивалась всеми как настоящий подарок судьбы. Никто не ожидал высочайшего профессионализма в искусстве фотографии, которой с детства занимается С.Соловьев и которую он никогда не намеревался где-либо применять. В нескольких боксах развесены десятки большей частью широкоформатных постановочных фотографий, выполненных в цвете. Мы видим знакомые лица — Т.Друбич и Л.Филатова, братьев Соловьевых в дамском окружении и С.Намина. Наряду с мгновенной зарисовкой характера, какую мы наблюдаем в портретах Лены из Токио, другие девушки (также обозначенные автором по имени) словно лишены личностных качеств. Похоже, они и впрямь неважны, поскольку в эстетике прекрасного, в которой пребывают избранные героини, и зрителю хочется обманываться отсутствием времени и житейской конкретики.

Двух участников этого широкомасштабного проекта связывает давняя дружба, однако совместная работа случилась однажды — в студенческие времена. В киносборник "Семейное счастье", ставший дипломом С.Соловьева, вошли три новеллы Чехова. Две из них — "Предложение" и "От нечего делать" выпускали Соловьев и Перцев. Помимо эскизов к упомянутым короткометражкам, на выставке представлены эскизы (выполненные маслом на холсте) к картинам "Романс о влюбленных" А.Кончаловского, "Баллада о комиссаре" А.Сурина, "Жизнь и смерть Фердинанда Люса" А.Борбовского и др. Большинство из 50 произведений Перцева составляет живопись — пейзажи и абстрактные работы. Если первым присуща камерность и строгость реалистической школы, то в последних отчетливо проявляется ревностное отношение автора к цветовым переходам и мерцанию тона. Выпускник МЛХШ в 1957 году поступил в Суриковский институт, но помешало безудержное веселье I Международного молодежного фестиваля. Через год он был зачислен студентом художественно-постановочного факультета ВГИКа.

Мы решили познакомиться с Леонидом ПЕРЦЕВЫМ поближе и задали ему несколько вопросов.

— Леонид Леонидович, ваша экспозиция точно фиксирует обратное движение, которое вы осуществляли в искусстве, — от кино к живописи. Судя по оценкам экспертов, и то, и другое направления требовали большого труда и сосредото-



Л.Перцов

ченности. Если учесть, что вы работали в кино, во всяком случае до 1992 года без перерыва, иногда взахлест, как удавалось совмещать?

— Это в самом деле абсолютно разные вещи. И к живописи, и к работе в кино я сохранил торжественное отношение. Кино, в сущности, вид прикладного искусства. И при определенных условиях можно вообще не рисовать эскизов. Можно что-то набросать режиссеру, попросту договориться, где и что будет стоять, и уверять вас, таких художников не только в кино, но и в театре достаточно. Однако объяснениям на пальцах я предпочитал создание эскизов. Во избежание неясностей и недоразумений с режиссером. Как на бумаге сделано, так и будет в картине. Разумеется, я не занимаюсь раскадровкой. Художник в кино придумывает декорации, если надо снимать в павильоне или строить их на натуре. А вообще-то твой почерк остается в выборе фактур, обстановке комнаты. Ты ведь набираешь совершенно различные предметы за исключением откровенно декоративных вещей, которые необходимо создать заново.

— Принципиальность и ответственность — это черты вашего характера?

— Для меня явилось важным общение с Андреем Тарковским, с которым я познакомился в 1964 году на картине "Андрей Рублев". Я делал весь реквизит и к декорациям никакого отношения не имел. Для того чтобы заказать мечи, сабли, членники долблевые, нужно ясно представлять, что требуется, и объяснять мастерам. Помню, как сам из дерева вытесывал топором идолов и плел венки, которые девушки пускали по воде в ночь Ивана Купалы. Так вот, я увидел, как Тарковский относится к своей работе, как настаивает и добивается того, чего хочет. И это мне запало на всю жизнь. Многие режиссеры, с которыми мне пришлось работать, могут подтвердить, что в своих требованиях я готов идти до последнего, до упора.

— Чем объясняется тот факт, что вы не являетесь членом Союза кинематографистов? Даже в отделе творческих кадров "Мосфильма" в библиотеке Киноцентра о художнике-постановщике Леониде Перцове нет сведений?

— Это семейная история. Отец моей жены, Анатолий Иванович Зверев, был взят в плен под Дон-



Т.Дробич — героиня множества фотопортретов С.Соловьева

цом и отправлен в немецкий лагерь. А после войны оказался в США и стал там крупным ученым в области электросвязи. В 1973 году Алина захотела повидаться с отцом и подала документы в ОВИР. Ее упорно не выпускали из Союза. Возмущенный унижением, я заявил чиновникам-гебистам в ОВИРе, что сам собираюсь покинуть страну. Хотя поначалу никто из нас и не думал эмигрировать. Как говорится, нашла коса на камень. В итоге в 1975-м меня вынудили уйти со студии "Мосфильм". К счастью, я продолжал работать и принимал участие в таких картинах, как "Возвращение Насреддина" по замечательному сценарию Т.Зульфикарова, "Сукины дети" Л.Филатова и "Железный занавес" С.Кулиша, с которым раньше мы делали "Комитет 19-ти".

— Вы хорошо знали диссидентскую среду?

— Признаться, я не обладаю общественным темпераментом. Меня больше волнуют свои профессиональные дела. Но тут мне стало интересно. И мы познакомились с товарищами по несчастью, с теми, кто подавал документы на воссоединение семьи.

Надо сказать, что нам пытались помочь, правда, помочь таким же, как и мы — невыездных, оказалась безрезультатной. Иногда я перевозил антисоветскую литературу для отца Дмитрия Дудко; он "Посев" сразу отbrasывал в сторону, а религиозные книги оставлял у себя. Был знаком с Андреем Амальриком. Самые светлые воспоминания сохранил о физике, академике Орлове. Помню Владимира Альбрехта, который читал нам лекции о поведении на допросах. Он — математик, и логически построил систему ответов, исключающую передачу существенной информации. Некоторые диссиденты называют его стукачом, а он просто обладал невероятно оригинальным способом мышления.

Между прочим, КГБ его все-таки засадил, в 1986-м он вышел на свободу и вскоре уехал в США.

Именно Альбрехт привел к нам Бориса Григорьевича Меньшикова, просидевшего 25 лет в одиночке сначала в Лефортове, потом во Владимирской тюрьме. Во время войны немцы назначили его бургомистром Смоленска. Чрезвычайно интересный человек с хрустальной памятью, помнил имена, числа, мелкие подробности. Мы тогда впервые услышали правду о Катыни. Оказавшись вместе с фашистами в Праге, он решил вернуться на родину. Был, разумеется, сразу арестован. И все равно не согласился лжесвидетельствовать на Нюрнбергском процессе в эпизоде расстрела польских офицеров.

— Вернемся к главному поводу разговора. Почему же все-таки именно вам предложили выставить в Манеже?

— Телефонный звонок из ОРТ явился для меня полной неожиданностью. Я опешил, потому что догадывалась, сколько стоит организация такого художественного проекта. Меня спросили, вы хотите выставку или выставку-продажу? Я ответил — только выставку.

239